

Симонов К

1985

ИЗВЕСТИЯ

1985, 23 ноября

О ЛЮДЯХ, О ЖИЗНИ, О ЛЮБВИ

К 70-летию со дня рождения Константина Симонова

Константин Симонов — один из самых популярных современных писателей. Книги его продолжают выходить большими тиражами, его имя по-прежнему на театральных и киноафишах, в программах радио и телевидения.

Высок авторитет Симонова — военного писателя и историка Великой Отечественной. Не зря маршал Г. К. Жуков писал ему: «Дорогой Костя». Не зря маршал К. К. Рокоссовский, получив верстку книги своих воспоминаний, посетовал: «Эх, как надо бы было показать предварительно Симонову!» Маршал А. М. Василевский как-то назвал Симонова народным писателем СССР.

Книги Симонова, его пьесы, фильмы — все это, как говорится, на виду. Но есть те стороны личности и деятельности Симонова, которые для широкого круга

читателей были в тени. Многие здесь открывают его письма.

Симонов был человеком доступным, отзывчивым, обязательным, люди постоянно к нему обращались со своими заботами. Он брался и за общегосударственные проблемы: будучи редактором «Литературной газеты», поднял, например, вопрос о восстановлении в школе совместного обучения. Он принимал участие и в судьбе отдельного человека, если тот нуждался в помощи, — скажем, больному полиомиелитом. «Чужого горя не бывает...» — это стало для него не только поэтическим образом, но и нравственным принципом.

Перечень того, что он сделал в области культуры, очень большой. Когда об этом заходила речь при нем, он не терпел никаких приписок, обязательно

замечал: «С помощью других людей». Да, конечно, он обращался за помощью и к другим людям, но обычно при этом сам делал больше всех. Он был неиссякаемым генератором идей: первым заговорил о необходимости снять в кино и на телевидении интервью с выдающимися участниками Великой Отечественной войны, предложил организовать на телевидении серию фильмов «Литературное наследство...». А сколько писательских судеб сложилось так, а не иначе благодаря его помощи и советам!

Так он жил и работал — вот что встает даже за теми несколькими письмами, которые сегодня публикуются впервые. Печатаются письма по копиям, находящимся в архиве К. М. Симонова, который хранится в его семье.

Л. ЛАЗАРЕВ.

Д. И. ОРТЕНБЕРГУ

Дорогой Давид!

Получил твое, с долею горечи написанное письмо и не ответил на него сразу лишь потому, что уже собирался улететь в Тамды к Балиманову. Вчера вернулся из этой довольно канительной поездки. Старик сам по себе очень хороший, но живет и работает в очень тяжелых условиях, которые, хотя он и дважды герой, так же тяжелы для него, как и для других. К сожалению, именно этот Тамдынский глухой заброшенный район за последние 10 лет почти ни в чем не изменился в смысле тяжелых условий жизни чабанов. Достаточно сказать, что на громадный колхоз в 93.000 голов скота — две скважины со сколько-нибудь механизированным подъемом воды. 67-летний Балиманов, как и 100 лет назад, таскает воду с помощью верблюда, а в общем, вручную поит 700 овец. Много и другого в том же роде — в частности, крайне тяжелый быт при очень высоких зарплатах...

Врать не могу, хотя Балиманов личность во многом замечательная, но сейчас надо не писать о нем парадный очерк, который подтвердит нерадивым руководителям района, что у них все на высоте, а надо подумывать о серьезном критическом материале в газету, а может быть, и о докладной записке — куда надо.

Об этом сейчас и думаю...
6.VI. 1960 г.

Ортенберг Давид Иосифович (р. 1904) — генерал-майор, журналист, писатель. Балиманов Джабай (1893—1968) — чабан колхоза «Актау» (ныне — колхоз имени Балиманова Навойской области). Очерк, о котором идет речь, предназначен для сборника, посвященного дважды Герою Социалистического Труда.

В. М. ОМЕЛЬЧЕНКО

Уважаемый Василий Михайлович!

Получил и прочитал Ваши письмо и повесть «Степан Прасолов».

Прочел повесть с интересом. Понравилось мне в ней то, что вся история Наташи и Степана воспринимается как правдивая, и то, что оба они хорошие люди и каждый по-своему прав, и горе каждого из них вызывает сочувствие; хорошо и то, что о многом труднее писать Вы тактично, сдержанно. Психологически верно дано и поведение Наташи, ее мысли, двойственность ее чувства к Степану, осознание непосильности взятой на себя жертвы — быть женой Степана, который прошел Степан, прежде чем решился уйти от Наташи...

Но встает один нравственный вопрос. Вы сами пишете о «Русском характере», «Просто любви» и других произведениях примерно на эту тему, считая, что такие произведения, может быть, и были нужны в те времена войны и непосредственно после ее окончания, но что судьба людей, подобных Прасолову, от этого не становилась легче.

Мне думается, что вряд ли правильно утверждать, что судьба людей от таких произведений не становилась легче. Нравственное влияние таких произведений было несомненно велико и могло в ряде случаев подтолкнуть колеблющегося человеческого сознания к определенным поступкам, которые облегчали судьбы Прасоловых...

Со времени окончания войны прошло двадцать лет. Видимо, в масштабах нашей страны есть сотни тысяч людей, инвалидов войны, жены которых продолжают с ними жить, свыклись с непоправимым несчастьем. Давайте говорить правду. У этой проблемы тоже две стороны. Почему многие и многие жены остались со своими мужьями, иска-

леченными войной? По глубокой любви? Да, бывало и так. Бывало и по-другому — оставались, исходя из своих нравственных правил, чувства долга, большой человеческой жалости, сострадания.

Но бывало и другое. Не надо забывать и такой вещи, что на войне погибло двадцать миллионов, и это поставило женщин в необычайно трагическое положение, когда перед огромным, подавляющим числом их не было и речи о свободе выбора, если женщина не хотела остаться одна, отказаться от замужества. Об этой стороне дела тоже нельзя забывать.

Вам, мне кажется, следовало бы задуматься о том, как прозвучит та правда, о которой Вы пишете, для этих людей. Ведь самую горькую правду можно и нужно сказать людям, если она может им помочь, если благодаря этой правде они поймут, что и как им надо сделать, что и как изменить в своем поведении, в своих взаимоотношениях с людьми, чтобы добиться счастья, любви, найти свое место в жизни.

Я лично не убежден, что сказанная в Вашей повести правда способна оказать такое действие на человеческие отношения. Ваша повесть навела меня на эти мысли.

Подумайте над тем, какое впечатление может произвести чтение повести на людей, подобных Вашим героям. Подумайте, может быть, над тем, чтобы, учитывая эту опасность и предусмотрев ее, Вам как автору что-то сделать в повести.

Конечно, повести пишутся не специально для какой-то определенной группы людей, а для широкого читателя, но среди них, естественно, будут и такие люди. Больше того: людям свойственно интересоваться в литературе судьбами, схожими с собственными их судьбами, так что, будь Ваша повесть напечатана, ее особенно пристально

будут читать именно люди, подобные герою Вашей повести. Повторю, мне кажется, что все это должно заставить Вас, человека, видимо, хорошего и душевного, задуматься над этой жестокой стороной литературы. Подумайте над правдой повести в этом аспекте.

2.IV.65 г.

Повесть «Степан Прасолов» была опубликована дважды: в 1965 и 1973 годах — второй раз, как писал сам В. Омельченко, «с учетом многих очень важных для меня советов К. М. Симонова». «Русский характер» — рассказ А. Н. Толстого. «Просто любовь» — повесть В. Василевского.

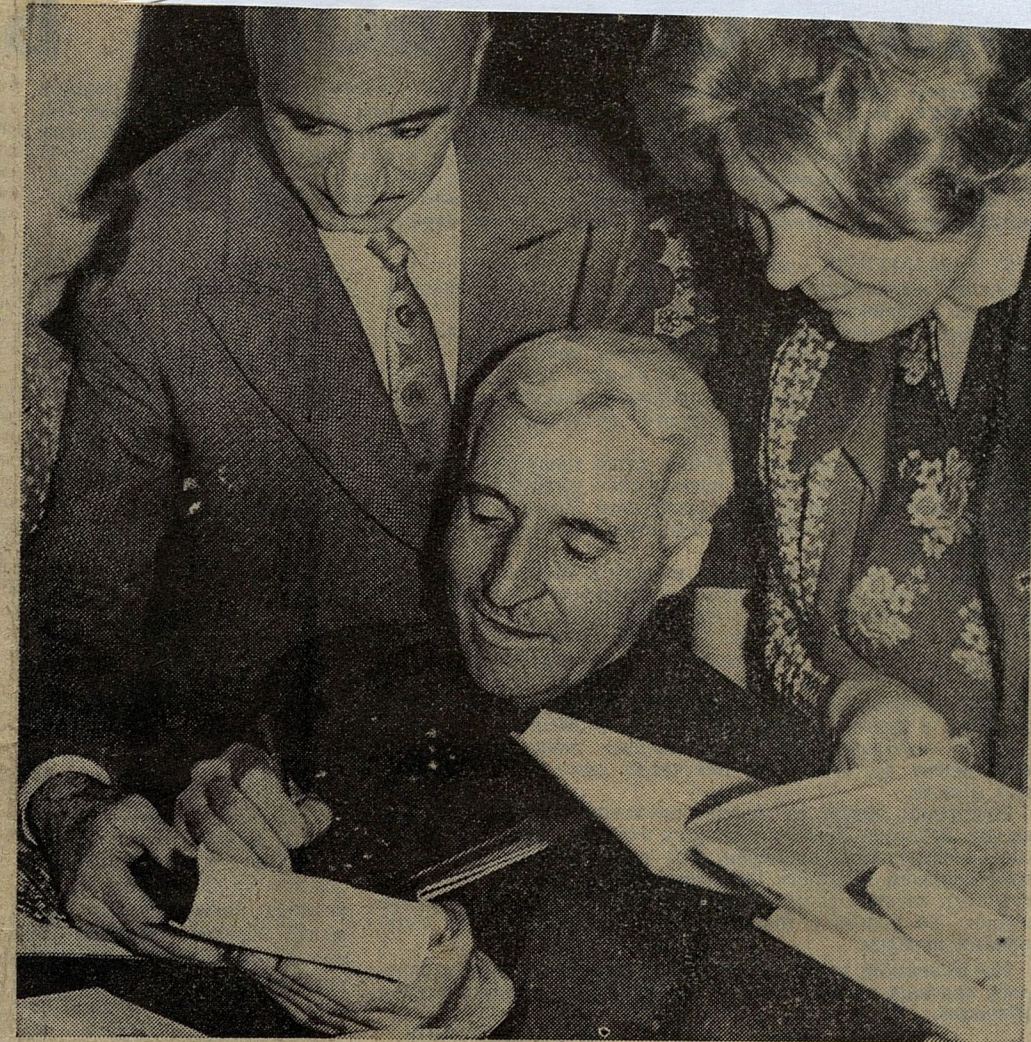
Комсомольцам 9 «Б» класса школы № 95 Волгограда

Дорогие комсомолы из 9 «Б» класса, дорогой товарищ классный — руководитель — не имею возможности обратиться к Вам по фамилии, ибо она в Вашем письме написана неразборчиво!

Я вполне сознательно не ответил на ваше первое письмо. Писем с просьбой что-то рассказать, о чем-то написать, поделиться воспоминаниями присылают много, из многих школ. Как это происходит со мной, так, наверное, происходит со многими другими писателями. Я отвечаю на те письма, которые пишутся не для галочки и рассматриваются самими товарищами, которые их пишут, не как мероприятие, а только на те, которые написаны серьезно, в которых чувствуется действительный интерес к тем вопросам, которые задаются в письме, действительное желание что-то узнать.

В вашем письме — я этого не обнаружил. Ни в первом, ни во втором.

Если бы вы в своем письме, присланном из Волгограда, попросили меня, скажем, рассказать об участии в Сталинградской битве или о своих воспоминаниях того времени, то я бы

Константин Симонов. Май 1975 г.

Фото Е. ЛЕВИТА.

нашел что вам ответить. Адресовал бы вас к тому, что я уже написал об этом, добавил бы, может быть, еще что-то, послал бы фотографию того времени, снятую в Сталинграде.

Но вы в вашем письме, которое, очевидно, пишется по шаблону, просите меня написать хоть несколько строчек о «Вашей литературной деятельности в период становления Советской власти». Но дело в том, что если вы читали хоть одну мою книжку, вам из нее было бы совершенно ясно, что я не мог заниматься литературной деятельностью в период становления Советской власти хотя бы потому, что мне было тогда два года. Это видно из любого предисловия к моей любой книжке, в любой книжке это написано в любой вступительной статье, написано и в энциклопедии. Таким образом вы спрашиваете о литературной деятельности в период становления Советской власти человека, которому было тогда два года, и человека, чьи книги вы не читали и о котором ничего не знаете.

Зачем же вы тогда ко мне обращаетесь? Какой в этом смысл? Почему мой ответ может представлять для вас интерес? Исходя из этого я решил, что вы не настроены на серьезную

работу, а занимаетесь очередной кампанейщиной. Это, к сожалению, у нас еще бывает, — поэтому и не ответил. А теперь, когда вы прислали второе письмо, в котором упрекаете меня в том, что я равнодушен к тому, каким вырастет новое поколение, и снова, во второй раз, спрашиваете меня о том, что я делал в период становления Советской власти, — на этот раз я уж хочу вам ответить и хочу, чтобы вы прочитали этот мой ответ на вашем комсомольском собрании и обсудили те вопросы, которые я затронул в своем письме. А потом написали мне. Может быть, тогда у нас и наладится с вами переписка, но не формальная, а по существу.

А если к этому нет охоты, так и не надо этим заниматься.

Вот что мне хотелось вам написать именно потому, что я не могу оставаться равнодушным к тому, каким вырастет новое поколение.

Уважаемый Владислав Яковлевич!

Вы, наверное, удивитесь, получив это письмо. Быть может — скорее всего так и будет поначалу, — рассердитесь на Ва-

шу жену, которая написала мне о том, что происходит с Вами в последние годы. Но если Вы сохранили в себе еще мужское достоинство, если сидит в Вас еще фронтовая закладка, уверен: поймете правильно и поступок жены, переборавшей чувство стыда перед совершенно посторонним человеком, и мою реакцию на ее письмо.

Мы с Вами не знакомы. Я мог бы и не отвечать на письмо Вашей жены. Но представил себе Ваш путь на войне и после нее и стало очень обидно за товарища, который хорошо воевал, нашел в себе силы окончить институт и высшую партийную школу, успешно работал в партийном и советском аппаратах, выставлял и поставил на ноги дочь и сына, — и спасавшего перед... выпивкой.

Как все люди, я тоже человек со слабостями. Люблю и выпить, особенно в компании, и трубку покурить. Но, не хватаясь, могу положить руку на сердце и сказать, что обхожусь, когда надо, и без того, и без другого.

Хочется верить, что и Вы возьмете себя в руки.

Желаю Вам и Вашей семье добра.

9.3. 1976 г.

В. Я. П.—ВУ